

К 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя

НАТАЛЬЯ ГРОМОВА

Литературовед

Родилась в 1959 году в Приморском крае. Работала в Государственной исторической библиотеке. Закончила философский факультет МГУ. Работала в редакции литературы издательства «Советская энциклопедия». С 2000 по 2009 год издано несколько книг Натальи Громовой, среди них: «Достоевский», «Узел. Поэты: дружбы и разрывы. Из истории литературного быта 20-х–30-х годов», «Эвакуация идет...», «Распад. Судьба советского критика».

Член Союза писателей Москвы. В настоящее время — старший научный сотрудник Дома-музея М. И. Цветаевой в Москве.

МИСТЕР ПИКВИК ПРОТИВ ГОСПОДИНА ЧИЧИКОВА

1

В 1836 году по просторам России, изборожденной тоскливыми, на взгляд путешественника, дорогами, по которым если ехать, то уж непременно куда-нибудь да приедешь, начал разъезжать по собственной надобности небезызвестный господин Чичиков. Он был человеком основательным, ухоженным, плотным на вид. Господин Чичиков возник и начал свое путешествие по России в 1836 году, хотя книга вышла в свет только в 1842 году.

В то же самое время в далеком туманном Альбионе отправился в путешествие вместе со своими верными друзьями маленький, кругленький, добродушный человечек — мистер Пиквик, — о чем и сообщил первый выпуск журнального издания «Пиквикского клуба», вышедший 31 марта 1836 года.

Казалось бы, что особенного может быть в таком совпадении: два писателя — один русский, другой английский, Гоголь и Диккенс, отправляют двух важных господ путешествовать по своим странам по их личной надобности? Да и страны эти столь различны, что рядом их поставить просто невозможно. Для России — Англия просто пылинка, словно жалкая губернишка, затерявшаяся на российских просторах. Но это только на первый взгляд, а если вглядываться пристальнее, то можно заметить удивительные вещи. Поставленные рядом две эти страны, два этих писателя и два важных господина начинают вдруг неожиданно и ярко проявлять те свои особенные свойства, которые в суете повседневности обычно бывают стерты и неразличимы.

Оттого-то поиск сходств и отличий в обыденной жизни разных сторон света и есть главный двигатель пилигримов и странников.

Всякое путешествие, по представлению наших авторов, должно начинаться с колеса или животного, это колесо вращающегося. Собственно,

глубокомысленный анализ свойств колеса и начинает поэму «Мертвые души». Кучер Селифан, а также три лошади — Гнедой, Заседатель и Чубарый, запряженные в бричку господина Чичикова, обернувшуюся под конец птицей-тройкой, занимают в повествовании едва ли не столько же места, сколько и главные герои. Уотермен, специальный слуга на стоянке карет, который поит лошадей, и потому так называющийся (от слова «вода»), — английский собрат наших мужиков, раздумчиво беседующих о том, доедет ли колесо до Казани или не доедет, объясняет мистеру Пиквику, что лошади сорок два года и она так слаба, что если ее распрячь, сразу валится на землю, и только благодаря паре огромных колес, которые катятся на нее сзади, вынуждена бежать.

Столь примечательные философы из народа, обитающие на дорогах России и Англии в середине прошлого века, вовсе не случайны: жизнь дорог и в Англии, и в России соткана из множества анекдотов, шуток, потому зеваки, кучера, возницы и прочие обитатели дорог являются при начале пути что господина Чичикова, что мистера Пиквика как бы некими символическими провозвестниками всех грядущих приключений наших героев.

Вслед за кратким умозрением знатоков о колесе и о животном, сие колесо вращающем, на страницах одного и другого произведения мы встречаем подробное и серьезное описание города и его окрестностей. Глаз путешественника останавливается на самых незаметных деталях. «Главное, что водится в этих городах, — пишет мистер Пиквик, — это, по-видимому, солдаты, матросы, евреи, мел, креветки, офицеры и портовые чиновники (...) Улицы имеют оживленный вид, чему, главным образом, способствует веселый нрав военных». Это о Ротчестере, Страуде, Четеме, Бромтоне.

Ему вторит русский наблюдатель. Чичиков нашел, «что город никак не уступал другим губернским городам: сильно била в глаза желтая краска на каменных домах и скромно темнела серая на деревянных (...) Попадались почти смытые дождем вывески с кренделями и сапогами...» И так далее. Главное в описаниях двух городов — это оптический обман. Зачем, собственно, выезжать из дома, чтобы все это увидеть? Не видеть бы вовсе!

То, что Пиквик путешественник, — для такой страны, как Англия, очень существенно. Да и роман о Пиквике и пиквикистах, их путешествиях и приключениях на дорогах близ Лондона, — это пародийно уменьшенное движение английской нации по просторам всего мира.

Три креста на гербе Великобритании, соединяющие собственно Англию, Шотландию и Ирландию, лучами направлены во все стороны света, во все уголки земли. Англия, омываемая морями, с древних времен с огромным любопытством всматривалась в другие миры. Английского путешественника можно было встретить в любых уголках земли, не случайно один из самых знаменитых романов о Гулливере и о Робинзоне Крузо именно английские. Известна история о некоем англичанине, которого наши русские путешественники Врангель и Матюшкин встретили на Чукотке, куда он забрел, пройдя всю Россию, и тем самым невероятно поразил местных жителей.

Пиквик с его непомерным любопытством, с трогательным удивлением от всего происходящего, да еще с его размышлениями вслух о «превратно-

стях человеческой судьбы», — это и есть оживший, неумный дух британца, то своекорыстно, то бескорыстно исследующий многообразие мира. Открывается ли это многообразие в речах мошенника или попугайчика по дилижансу, пиквикисты одинаково аккуратно записывают любые странные сведения о мире, услышанные от встреченных ими людей.

Но Англия не просто посылала в путешествия свободных граждан своей страны. Во всех частях света Англия имела колонии и всегда чувствовала разрыв между жизнью — там (это могла быть Индия, Австралия, Трансвааль и прочее) и жизнью у себя на острове. Люди, возвращавшиеся оттуда, обычно спустя довольно продолжительное время несли новые знания, культуру, религию, странности, которыми окрашивалась их жизнь. Все помнят рассказ Конан-Дойла «Пестрая лента» о страшном герое, который привез из колонии диких зверей и змей и использовал их для убийств. Вся английская литература полна людьми с загаром и тайной их жизни там. Таинственная двойственность соотношения сокрытой своей жизни в колонии и явной жизни в метрополии определяет состояние духа этой страны, в которой существуют как бы две силы: центробежная с точкой — «холодным домом» — Англией и центростремительная — с разбегающимися лучами креста во все края земного мира.

Джером Джером как-то заметил: «Многие уверены, что все счастье людей — в пространстве, то есть чем обширнее страна, тем лучше в ней жить. Воображают, что самый счастливый француз не может равняться с самым неудачливым англичанином, потому что Англия обладает гораздо большим количеством квадратных миль, чем Франция. А каким жалким по этой теории должен чувствовать себя в сравнении, например, с русским мужиком швейцарский крестьянин, глядя на карту Европейской и Азиатской России!

Счастливые жители Лондона в холодные туманные дни могут согреться мыслью, что в Британской империи никогда не заходит солнце. Сам лондонец видит солнце очень редко, но это не мешает ему считать себя одним из собственников солнца, так как он знает, что оно начинается и заканчивает свой день все в той же Британской империи, составляя, так сказать, ее особую принадлежность...»

Чудным образом растекающаяся по поверхности земли Россия, Русь — земля не для путешествий и путешественников. По ней долго и уныло едут помещики в свои поместья, мечутся дельцы или мошенники типа Чичикова, его, так сказать, племянники — искатели легкого наследства. Но народ по ней не разъезжает. Он ходит, странствует от монастыря к монастырю, неся то туда, то сюда какие-то полусказочные сюжеты о тридевятых царствах, о доле и недоле, о правде и кривде, — все это надо отыскать, найти. В России за правдой надо ходить, ее надо искать, как это делали близкие нашему сердцу мужики из поэмы «Кому на Руси жить хорошо». В русском сознании путешественники — это или бездельники, или очень богатые люди, путешествовать могут только «с жиру». Поэтому наши классические литературные герои отправляются в странствия, убегая от нравственных мук, как Онегин после дуэли с Ленским. Либо же как Печорин — на Кавказ, дабы найти своему холодному сердцу какое-нибудь развлечение среди экзотической при-

роды и экзотических же ее жителей. Путешествуют русские люди или за границу, или в далекие области севера — к границам Аляски, на Тянь-Шань — куда-нибудь неподалеку от основной территории, для того, чтобы еще и еще прирастить это огромное существо новыми и новыми землями, которые и переварить-то бедная страна не в состоянии. Но если сравнивать Русь с тем же туманным Альбионом, то стоит все же отметить, что центральную точку, где располагался бы Дом, обнаружить не так просто. Можно, конечно, вслед за Мариной Цветаевой сказать: «Москва — такой огромный странноприимный дом, всяк на Руси бездомный, мы все к тебе придем». Но судьба самой Цветаевой доказала, что поселиться, найти угол в самой Москве оказывается невозможно: в XX веке Москва стала исторгать из себя странников. Углы, что петербургские, что московские, не превратились в Дома.

Россия давно уж не знает (если не забыла вовсе), где она реальная, а где написанная. Так и живет здесь большинство людей, обреченных на мечту о птице-тройке, которая не сегодня-завтра откроет нам свою тайну. А если — не откроет? Правда и то, что Россия от века не стремилась обрести устойчивость и покой, а следовательно — Дом (иными словами, состояться как Дом). Напротив, о ДOME сразу же начинали ностальгически вспоминать, — не успев даже его как следует потерять, — и Тургенев с его «Дворянским гнездом», и Толстой с «Детством», безнадежно согласившись с тем, что он навсегда утрачен. А потом волна становилась все мощнее и мощнее, и так вплоть до «Вишневого сада». Гоголь же — Дома не имущий, да так никогда и не обретший — просто отсекал от жизни эти дома, домишки, поместья, оставляя нас как перволюдей лицом к лицу с голым, необжитым от моря до моря пространством, по которому носится русская тоскливая песня...

Господин Чичиков едет в своей бричке по длинным дорогам России, чтобы получить у разных помещиков за небольшие, в сущности, деньги мертвые души. А приобретя «крестьян на вывод», он купит себе под них именье, где-нибудь в Херсонской губернии. Собственно, обман, который осуществляет Чичиков, — и не обман вполне. Кого он обидел, кому навредил? Мелкий, совсем мелкий мошенник, а вовсе никакой не Наполеон. Но незатейливую историю о странствии по России Гоголь обернул ужасной, апокалипсической притчей о земле, населенной сплошь мертвецами. Мертвецы ходят, пьют, едят, но однако на самом деле — это не люди, а сплошь ожившие вещи. Ожившее тряпье — Плюшкин, ожившее полено — Собакевич и так далее.

В отличие от гоголевского героя, странный джентльмен по имени Пиквик называл себя «наблюдателем человеческой природы» и привносил в представление об Англии как о стране холодной и чопорной, населенной расчетливыми и исключительно прагматическими личностями, нечто иное. Стремление его — самое бескорыстное. Он и его друзья, образовавшие из своего сообщества некий Пиквикский клуб, путешествуют с той единственной целью: «наблюдать и исследовать людей и нравы, а также картины местной жизни или пробужденные ими мысли».

Пиквик и его друзья собирают сведения о людях, их странностях, их глупостях, даже подлостях, но все, кого они встречают, пусть и слабые, но живые люди. Гоголь же при помощи Чичикова создает вторую российскую

кунсткамеру уродов, заключенных, словно в колбы, в соответствующие главы. Как уж тут не вскричать, не взмолиться, не воззвать к Руси с вопросом: что же пророчит ее необъятный простор? Не вся же она населена подобными чудищами, быть может, народ прячет в недрах своих тайных богатырей, тайных героев? В действительности народ прятал от Гоголя живые души и так далеко их спрятал, что понадобилось целое поколение русских писателей, которому предстояло расколдовать мертвые души, вдохнуть в тряпичных людей типа Башмачкина живую, теплую душу Девушкина. Но Гоголь оставил народу веру в свое тайное предназначение, в то, что русская птица-тройка лихо несется над всеми землями, а прочие народы должны расступаться, сторониться и «давать ей дорогу», ибо не знают ее великой тайны.

Можно предположить, что для Англии — основное свойство страны заключено в людях, ее населяющих. Потому и говорят, что странна не страна, а люди в ней странные — люди, полные всяких чудачеств, всяких странностей (тут надо будет сослаться на Карамзина с его письмами русского путешественника). Идея же России не в нас самих (или не только в нас), а скорее в пространстве-времени этой конкретной земли, по которой мы все ходим, на которой живем.

Если же спуститься по родовому древу каждой из стран к ее корням, иначе говоря, к архетипам и к мифологическим образам, то именно там, скорее всего, и откроются начала таких подходов. Главная тема кельтских, то есть праанглийских мифов — это история благородных рыцарей, восседающих вокруг некоего Круглого стола. Вот вам и прообраз всеобщего парламента, объединенной ли Европы, Организации ли Объединенных Наций — сравнения можно продолжать. Круглый стол возглавляет король Артур, а возле него сидит прекрасный рыцарь Ланселот и еще сто пятьдесят рыцарей. На этом столе мог размещаться святой Грааль — чаша, в которую была собрана кровь из ран Иисуса Христа. Святой Грааль исчез из-за людской греховности и, вернее, из-за греховности самих рыцарей. С тех пор поиск Грааля — главная цель и главное испытание людей.

В русском фольклоре если и есть достойный человек, то это или Иванушка-дурачок, или младший брат, притесняемый, как правило, своими старшими братьями. Русский сказочный герой обычно очень одинок и вынужден сражаться со всякой нечистью, обитающей в лесах, на болотах и повсюду на обширных пространствах нашей родины. Вообще есть определенное различие в том, как взаимодействуют герои кельтских мифов с потусторонним миром и как это происходит у героев мифов отечественных. Природный мир русской сказки и мифа и есть мир потусторонний реально, а потому и в поисках чудесного нет необходимости куда-то переходить, искать область чудесного: все здесь же, рядом — в лесу, на болоте, в реке, и любой ночью могут прийти с того света любые предки. С детства нас окружают жуткие сказочные образы. Возможно, оттого так легко и воспринимается нами необычное, фантастичное название поэмы Гоголя — «Мертвые души».

У богов, фей, эльфов, великанов древних кельтов есть свой мир, который тоже разделен перегородкой. Перегородкой достаточно тонкой, но она все-таки есть. Рыцари или засыпают и тогда путешествуют по инобы-

тию, если дело происходит в бытие реальном, для этого в реальности надо пройти через узкий мост, спуститься в пещеру или же в колодезь, где спрятаны сверкающие подземные небеса, или же, наконец, в чистилище. Все это подразумевает необходимость совершения какого-то целенаправленного действия. И любой рыцарь, отправляясь туда — во все эти «пропасти земли», в героическое по ним путешествие, — знал, что идет на подвиг аналогичный и во всем сообразный крестовым походам в Иерусалим. С русским же героем дело обстояло несколько иначе — у него испытания начинались уже за околицей или на первом же перекрестке.

Можно ли сказать, что герои двух знаменитых романов выражают истинные черты своего народа? Зачем мы смотрим на Англию и Россию их глазами? Разве Пиквик похож на холодного, замкнутого англичанина? Вот и Карамзин, путешествуя по Европе в конце XVIII века, писал о характере англичан: «Русское мое сердце любит изливаться в искренних, живых разговорах, любит игру глаз, скорые перемены лица, выразительное движение руки. Англичанин молчалив, равнодушен, говорит, как читает, не обнаруживая никогда быстрых душевных стремлений, которые потрясают электрически всю нашу физическую систему». Разве Пиквик такой? Наоборот, Пиквик удивительно доверчив; настолько доверчив, что он становится жертвой судебных крючкотворов и попадает в тюрьму.

А Чичиков? Разве он выражает наш национальный характер? Как же можно, чтобы главный герой русского романа был расчетливым, практичным, хитрым и совсем недобрый? Конечно же, это герой не нашего романа... Мало того, он еще и занимается совершенно невероятным для русского человека делом — скупает мертвые души! Все происходящее не имеет отношения к реальности, все описываемое в поэме преувеличено, фантастично. Или, может, скажете, что и Хлестаков, и городничий — тоже истинно русские национальные типы? Нет, тут уж, пожалуй, явная ошибка.

Англия смогла увидеть себя со стороны глазами смешного толстого человечка — правнука шекспировского Фальстафа, который расколдовывает своим юмором сухих джентльменов и строгих леди, занимающихся хозяйством, предвыборной борьбой, охотящихся за богатыми избранниками и упивающихся собственной глупостью. Мистер Пиквик, словно тугой волейбольный мяч, отскакивает от всех традиционных английских типов, от классических положений, все и вся обращая в пародию. Даже нежно любимые Англией романтики «озерной школы» превращаются на страницах романа в унылых поэтов, воспевающих болотных лягушек.

А Чичиков? К сожалению, он плоть от плоти России, он с нее кормится; можно даже сказать, кормится ею. Кормится ее землями, душами, живыми и мертвыми, дает-берет взятки, надувается до огромных размеров русского чиновника. Столетиями исторгает из себя их Россия, но **тщетно**. Чичиков, городничий, Хлестаков обитают в России по-прежнему. Гоголь мечтал о том, чтобы мертвое переплавилось в живое, чтобы его герои странным образом преобразились. Но необычность русского бытия состоит в том, что, за счет ли огромных пространств то ли еще почему-то, здесь не происходит возвышения и переплавки человеческих душ, о кото-

рой так мечтал Гоголь. Мертвые и живые души сосуществуют друг с другом, иногда вступая в борьбу. И когда торжествуют мертвые, они пишут доносы, устраивают погромы, служат любой, самой фантазмагорической власти. Русский чиновник — взяточник и мошенник — неистребим. Думается, что именно он носится птицей-тройкой по нашей грешной земле, а мы шарахаемся от его троек, «Мерседесов», а то и вовсе небесных колесниц-вертолетов.

2

ДИККЕНС ПРОТИВ ГОГОЛЯ

Бурное время королевы Елизаветы подарило Англии Уильяма Шекспира. Время домовитой долгожительницы королевы Виктории дало Чарльза Диккенса. Англия времени Чарльза Диккенса, т. е. почти с начала и почти до конца XIX века, вовсе не была благополучной страной, населенной благополучным народом. Англия мучительно вступала в индустриальный капитализм, с его жестоким обращением с женщинами и детьми, грязными фабриками и приютами, страшными гулками и мрачными лондонскими доками и измученными рабочими, каторжниками на болотах и гибельной долговой Ньюгетской тюрьмой. Диккенс еще маленьким мальчиком познал все темные и страшные стороны своей страны. Его отец сидел в тюрьме Маршалси, и мальчик посещал его там; в десять лет он был вынужден пойти работать на фабрику ваксы. Уже с детства мальчик острее всего пережил бесприютность. Поиск Приюта, Дома в жизни, в книгах, в издаваемом им журнале «Домашнее чтение» и стал главным направлением всей его жизни. Он жаждал невероятного — согреть каждого заброшенного ребенка, каждого несчастного человека на этом продуваемом всеми ветрами острове. Он желал каждого наделить очагом, Домом. Обитая на острове с «холодными домами», среди таких же холодных соотечественников, он мечтал согреть Англию. И, можно сказать, согрел ее тем, что создал культ английского, а потом и евро-американского Рождества.

Диккенс — писатель, ставший своеобразным гербом Англии, был в то же время и самым неанглийским англичанином — живо эмоциональным, очень пластичным, отзывчивым, живым и страстным. Именно он создал несметное количество смешных, фантастических, невероятных героев: карликов, горбунов, кривых старых дев, вечно пьяных молодых докторов, механических клерков, красносохых проповедников, толстых дам, занимающихся благотворительностью, и море других героев. Конечно же, ему очень помогала та почва, на которой он жил: англичане всегда славились чужаками и чудачествами. Ему вечно не хватало читателей, хотя по тем временам у него их было невероятно много. Он ездил по всей земле и читал, читал перед огромными аудиториями отрывки из своих романов. Он хотел видеть, как отзывается его слово, и ему удавалось это увидеть.

Как только его стали переводить на русский, он превратился в самого популярного в России писателя, заслужив вскоре странное звание самого русского из английских писателей.

Россия все вбирает, все впитывает. Каждое слово о себе она принимает столь глубоко и серьезно, что едва ли, так сказать, не оборачивается, превращается, как в сказке, каждый раз в ту страну, которую наилучшим образом создадут в Слове. Оттого и возникает в русской культуре столь безумный эффект двоящегося Петербурга, не то реально стоящего на земле, не то созданного русскими писателями.

Подобно Диккенсу, у которого все дальнейшие взаимоотношения с «холодным домом» — Англией начинаются с истории его детства, многое во взаимоотношениях Николая Васильевича Гоголя с миром, Россией и людьми начинается с его детства в Малороссии.

Родившийся у очень юной матери, Гоголь был слабым и больным ребенком. К воспоминаниям его матери давно принято относиться с большим подозрением. Она считала своего сына непревзойденным гением и поэтому была уверена, что он изобрел паровую машину, железную дорогу, да и все другие достижения прогресса должны быть непременно связаны с его именем. Необычность и странность преследуют его с раннего детства. Маленьким мальчиком он утопил кошку: ему не понравилось, как она мяукает, а потом горько раскаивался в содеянном поступке. Кроме того, он очень часто, учась в лицее, дабы избежать наказания за проказы, притворялся безумным и отправлялся в местную больничку. «Гоголь взбесился!» — кричали его соученики, а он очень артистично бился на полу, кричал и пускал изо рта пену. Письма Гоголя к родным поражали последующих исследователей постоянным обманом и мистификациями; он придумывал жизнь, ситуации, события. Пожалуй, Россия была для него такой же загадкой, как и его собственная невероятная душа. Удивительно, что Гоголь, столь обласканный в детстве, во всю остальную жизнь абсолютно бездомен, как бездомны и его главные герои. «Мне бы дорога теперь, да дорога в дождь, в слякоть, через леса, через степи, на край света».

Гоголя и его героев манят роли, смена масок, положений; они крутятся на проволоке, словно ярмарочные актеры, а Россия, замерев, смотрит, как антраша выделывают писатель и его знаменитые персонажи. Он хотел разгадать Россию, но она была и его мукой, он бежал из нее, стремился в свой солнечный, светлый, древний Рим, так, что его не могли остановить ни хлопоты по устройству сестер, ни мольбы друзей. В холодном, сыром Петербурге у Гоголя болели зубы, нос, его охватывали приступы меланхолии. В каждом письме из России он пишет, как мечтает покинуть эту противную, гадкую землю, которая ничего не понимает в том, что истинно происходит в его душе. Но каждое его слово все — от либералов до самого государя Императора — ловили с умилением. Сатирика, обличавшего нравы своей страны, умоляли остаться, власть постоянно ссужала его деньгами. И это в то же самое время, когда за невинные собрания молодого Герцена ссылали в Вятку. Гоголь же свободно пересекал границы России туда и обратно, важно объясняя и из далекого Рима нечто о русском богоизбранничестве. Гоголь обиделся на первых зрителей «Ревизора». Они не так и не там смеялись, они вообще ничего не поняли, его охватила ужасная тоска, и он решил на-

казать Россию своим отъездом. И тут в первый раз прозвучало: «Пророку нет славы в отчизне».

Известно, что он очень мало видел Россию, недолго жил в Петербурге, в Москве — остановками, по губерниям только проехал, увидев их из окна своей кареты. Наверное, потому и вызывал Гоголь у многих людей сомнение в том, что он национальный русский писатель и выразитель некоей потаенной русской души. Скорее уж причудливого русского кошмара, фантазмагорически отраженного в кривом зеркале пространства. Хотя многие скажут, что не в кривом, а в самом идеальном зеркале. Белинский вообще назвал Гоголя «Колумбом натурализма», т. е. считалось, что он как никто воспроизводит именно действительность. Но тогда мы должны всерьез уверовать, что все те механические, филигранно описанные существа, с их прыщиками, волосками, бурчанием в желудке, икотой, а также жадностью, подлостью, лицемерием, хитростью и прочим, есть люди, созданные по образу и подобию Божию. Единственное, что связывает Гоголя с русской традицией, — это странничество как способ жизни, как бегство от себя, от страны, от тоски, с мечтой о своей идеальной России.

Можно сказать, что ее он сочинил — эту Россию.

Гоголь глубоко трагичен, несмотря на видимый комизм своих творений. Он давно разуверился. Разуверившийся в роде человеческом, он с помощью огромного религиозного усилия пытался преобразить своих героев и огромным религиозным усилием уговаривал себя во втором томе «Мертвых душ» в преображении своих героев и, в первую очередь, — столь неоднозначного мистера Чичикова.

Диккенс же почти всегда радостен — то светло, то печально; его мир пронизан юмором, согревающим своим теплом даже острые сатирические картины.

Диккенс обошел в своем «холодном доме» все углы и щели: и ничего не осталось, ничто не миновало его остроумного взгляда. Но было у него одно главное отличие от нашего странного русского писателя: Диккенс любил даже тех, над кем смеялся. Он вообще очень любил простых, незаметных, обычных людей, их тихий домашний уют. Его любовь достигла такого пафоса, что каким-то особым гимном он воспел даже Очаг, превратив его в алтарь Дома. Так Дом, согретый любовью, превращается у него в тихое святилище, в точку отсчета любой человеческой жизни. Человек, оскорбивший семейный очаг или недооценивший любовь к нему, как правило, должен пройти долгие дороги испытаний. Но и, обязательно вернувшись, раскаяться в том, что изменил тихой гавани любви.

Парадокс в том, что фантастический Гоголь остается одним из самых современных писателей России. И мы снова и снова замороженно разглядываем гоголевских человечков, узнавая в их лицах и поступках каждый день нашей повседневной жизни. Проходят столетия, царский строй сменяют большевики, за ними является новая-старая Россия, шарманщик крутит ручку своей шарманки, а по огромной растекшейся во все стороны стране движутся Вечно Живые Мертвые Души — Чичиковы, Кувшинные Рыла, Хлестаковы, Городничие и cetera, cetera...